

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ФОМА
АКВИНСКИЙ
ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (450)
ББК 87.3 (4 Ита)
С83

Оформление
дизайн-студия «Дикобраз»

Перевод с английского
Зубков С.В.

Все права защищены
Перевод с издания
Thomas Aquinas in 90 Minutes
Paul Strathern

Опубликовано с разрешения издательства
IVAN R. DEE

Подписано в печать 02.02.2005. Формат 84x108/32.
Гарнитура "Ньютон". Бумага газетная. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 5291

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Стретерн, П.

С83 Фома Аквинский за 90 минут / П. Стретерн; пер. с
англ. С. Зубкова. - М: АСТ: Астрель, 2005. - 77, [3] с. -
(Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-030205-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11366-3 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-194-7 (англ.)

В книге «Фома Аквинский за 90 минут» Пол Стретерн предлагает краткий, но подробный обзор жизни и трудов Аквината. Автор раскрывает влияние внутренней борьбы, терзавшей душу философа, на понимание им цели своего бытия. Читатель найдет в книге выдержки из работ Фомы Аквинского, а также даты важнейших событий, произошедших как в судьбе самого Фомы Аквинского, так и в истории его эпохи.

ISBN 5-17-030205-3
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-11366-3
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-194-7 (англ.)

Copyright© 1998 by Paul Strathern
© ООО «Издательство Астрель», 2005

УДК 1(091) (450)
ББК 87.3 (4 Ита)

Содержание

Введение	5
Жизнь и труды Аквината	13
Послесловие	63
Из произведений Фомы Аквинского	65
Важные даты в философии	71
Хронология жизни Аквината	75
Именной указатель	77

Введение

Фома Аквинский умер 7 марта 1274 года и сразу вознесся на небеса. 49 лет спустя он был причислен к лику святых; в 1879 году папа Лев XIII провозгласил работы Аквината «единственно истинной философией».

Фома Аквинский, таким образом, порвал с великой философской традицией накопления заблуждений. Это ставит его на особое место среди остальных философов (и, вероятно, в философии в целом). Похоже, что к сказанному им нечего добавить. Если вы, конечно, не считаете, что наше мышление достигло прогресса со времен крестового похода детей и пояса девственности.

Он был героем множества житий святых, наполненных причудливыми анекдотами и безоговорочным принятием метафизических рассказов, что, впрочем, едва ли улучшило его философскую репутацию. Нам в наследство досталась неясная фигура на фоне пропахших ладаном тяжелых туч теологии. На протяжении тысячелетия, со времен Августина Блаженного, в Европе едва ли можно обнаружить столь блистательный философский ум. Аквинат, безусловно, фигура мирового масштаба.

Чтобы оценить работы Аквината, необходимо проводить различие между его теологией и его философией. Первая безупречна со всех точек зрения и сомнений не предполагает (любой сомневающийся подлежит немедленному отлучению и имеет незавидную перспективу загробной жизни — так себе, что-то вроде стран третьего мира, мало приспособленных для жизни), с другой стороны, философия — это нечто открытое для вопрошания. Другой философия просто не бывает.

Даже во времена Фомы Аквинского разница между философией и теологией подразумевалась. Обе доказывали свои положения в одной манере,

при помощи дедукции, рассуждения, логики и т. д. Но в теологии знание основывалось на истине веры. Принципы теологии опирались на веру в Бога. Философия, с другой стороны, не требовала такой веры. Она начинала с «самоочевидных» оснований. То есть полагалась на способность понимания окружающего мира и использование разума.

В реальной жизни теология и философия, конечно же, были порой неразделимы, особенно в Средневековье, когда религия доминировала. Такое состояние дел кажется слишком старомодным в сегодняшней век атеизма, но, на самом деле, наше мышление находится в похожем состоянии. Современная философия только на бумаге может провести границу между философией и теологией. Для того чтобы философствовать, мы должны с чего-то начать — с основных допущений, которые нельзя доказать при помощи разума. Например, вера в то, что все в мире взаимосвязано и имеет некоторую постоянную основу, без чего не могло бы существовать законов науки. И чем это отличается от веры в Бога? Говорят: *очевидно*, что мир именно таков, даже если мы не можем этого доказать. А между тем современная

квантовая механика, имеющая дело с субатомными частицами, не признает ни постоянства, ни причинности. И тем не менее это наука. Возможно, что со временем мы придем к общей теории (теории, объясняющей все), которая снимет эту очевидную несостыковку. Но дело не в этом. А в том, что в настоящее время вера в постоянство мира не более оправдана, чем вера в Бога. Фактически она считается *«истинной при любых условиях»*. А значит, *неопровержимой*.

Что позволяет нам сделать еще одно сравнение. Конец XX века коренным образом отличается от эпохи Средневековья. Разум человека технологического общества имеет мало общего со средневековым. Некоторые философы и ученые даже сомневаются, являются ли два человека этих эпох соизмеримыми. Они говорят о том, что у этих людей нет общих человеческих свойств; для человека Средневековья понятие «человек» предполагало наличие «души», неизменных «условий человеческой жизни», а также «сознания», ускользающего от научных определений, веры в уникальность человеческого существа и т. д. В мире дарвиновской эволюции, ДНК, клонирования и подобных чудес,

влияющих на наше самоопределение, для таких понятий нет места.

В таком случае, чем нам может быть интересен Фома Аквинский? Простых людей, живущих «по старинке», вряд ли стоит убеждать в том, что Гамлет, Фауст и даже Данте не устарели. Тем же, кто считает, что мы находимся на пороге беспрецедентной эры развития человека (или фундаментального эволюционного скачка), потребуется больше аргументов. Но найти таковые несложно. Аквината от XX века отделяют шесть столетий. Прогресс все это время был неспешным, продвижение вперед шло шаг за шагом. К концу же XX века конь помчался галопом. Если мы считаем, что взгляды на мир (или устройство сознания) времен Аквината стали несостоятельными, то насколько же быстро отправятся на свалку наши сегодняшние взгляды? Если прогресс — это последовательность кадров, то должен ли каждый кадр считаться неповторимым и навсегда уходящим? «Серьезные» современные мыслители могут относиться к Фоме Аквинскому так же, как мы относимся к раннему Чаплину. Как скоро определенный образ мышления начинает расцени-

ваться как фарс? Или, может быть, такие клише, как банановые корки и показная сентиментальность Чаплина, еще могут нам что-то сказать?

Мы считаем свой век величайшим в истории человечества (подобные иллюзии свойственны многим из предыдущих эпох). Наш век кажется нам невероятно содержательным, но динамизм вовсе не обязательно характеризует великие эпохи. Среди самых долговечных и стабильных цивилизаций, при которых существовал избыток материальных и интеллектуальных ресурсов, можно назвать Китай и средневековую Европу. Эти периоды не отличались стремительностью изменений, напротив, была достигнута стабильность, которая в значительной мере благоприятствовала развитию мысли и интеллектуальному совершенствованию. «Божественная комедия» Данте была, возможно, самым блестящим поэтическим произведением из созданных человеком, взгляды, запечатленные в ней, стали неотъемлемой частью мировоззрения Средневековья. Изящные готические соборы, построенные в западной Европе, явились, бесспорно, первыми *коллективными* монументальными шедеврами

человечества. Они воплощают в себе талант их строителей; со времен древней Греции человечество не видело ничего подобного. Также Средневековье оставило после себя коллективные монументы философской мысли. Мощным интеллектуальным пластом была статичная, накопившая многие богатства философия схоластики. А наиболее выдающейся фигурой схоластической философии по праву считается Фома Аквинский.

Жизнь и труды Аквината

Фома Аквинский (Томмазо д'Аквино) родился в замке, расположенном в четырех милях от Аквино, в южной Италии. Этот довольно мрачный замок все еще стоит на холме около деревни Роккасекка, недалеко от автострады между Римом и Неаполем. Фома был седьмым сыном графа Ландолфо д'Аквино; и известный поэт-лирик Ринальдо д'Аквино вполне мог быть его братом. Еще более интересно то, что Фома был племянником Фридриха II, императора Священной Римской империи, чей двор в Сицилии был прообразом двора Ренессанса. Человек со многими талантами, Фридрих был отлучен от церкви Папой, но затем отправился в крестовый поход, в результа-

те которого вернул Иерусалим христианам (поставив этим Папу в затруднительное положение).

В возрасте пяти лет Фома был отдан в школу при монастыре Монте Кассино. Здесь вскоре стали заметны его выдающийся интеллект и религиозное рвение. Но после девяти лет обучения он был вынужден таковое прекратить, потому что его дядя Фридрих запретил монашество, считая, что монахи слишком дружественно настроены по отношению к его врагу Папе. Тогда Фома отправился в университет Неаполя, основанный Фридрихом. (К несчастью, в это время Фридрих решил основать новую религию, в которой сам он должен был быть мессией, а когда его главный министр отказался исполнять обязанности святого Петра, он выколол ему глаза и посадил в клетку.)

Под защитой Фридриха II университет Неаполя стал важным центром новых знаний, начинающих распространяться в мире Средневековья. Было вновь открыто классическое образование, университет начал привлекать молодых людей со всех концов Европы. Фома учился логике у ученого трансильванца, которого звали мастер Мартин,

а лекции по естественной философии ему читал мастер Петр из Хибернии (Ирландия).

Именно мастер Мартин познакомил Фому с аристотелевскими трактатами по логике, которые играли столь важную роль в науке Средневековья. Аристотель считается основателем логики, он написал первый трактат по этой науке в IV веке до нашей эры. Слово «логика» происходит от греческого слова «*логос*» (слово, язык), и изначально означало «правила рассуждения». Аристотель считал логику *органом* (инструментом) философии. Как таковая, она могла использоваться в любой области знания. Целью логики была *аналитика*, то есть объяснение, «распутывание».

Но логика, которую изучал Фома, мало продвинулась вперед за тысячелетие со времен Аристотеля. Ее основной формой был силлогизм, который Аристотель определял как «рассуждение, в котором излагаются определенные факты, создающие новое знание, которое с необходимостью следует из них как из посылок». Простой пример силлогизма:

Все люди смертны.

Все греки люди.

Следовательно, все греки смертны.

Во времена Аристотеля эта форма рассуждений доказала свою продуктивность, так как помогала правильно мыслить и приводила к новым знаниям. Основная структура логики Аристотеля во времена Аквината сохранялась, однако методы утратили новизну и все больше стали сводиться к ограничениям. Спор стал ритуалом применения логического метода, а не инструментом, как хотел того Аристотель. Главным считалось следование священному писанию, и его никто не пытался улучшить. Быстрый ум Фомы вскоре позволил ему стать мастером этой словесной ловкости. Он обнаружил, что хочет заниматься более глубокими философскими размышлениями, и понял, что логические методы также могут использоваться для прояснения мыслей.

В это время Аквината начал привлекать доминиканский монашеский орден. Он был основан 25 годами ранее, в 1215 году св. Домиником, фанатически ортодоксальным кастильцем. Целью ордена было избавление мира от ереси. Его члены носили черные сутаны и путешествовали по странам Европы, собирая подаяние себе на жизнь. Постепенно этот орден стал более актив-

но интересоваться образованием, которое при св. Доминике было негласно запрещено — как и мягкие матрасы.

Решение Фомы присоединиться к ордену монахов вызвало негативную реакцию в семье. Зная о выдающемся интеллекте и религиозном настрое сына, родители готовили его к церковной карьере. При помощи его талантов и семейных связей он скоро мог стать архиепископом Неаполя — необычайно престижный пост для потомка военачальника Священной Римской империи. Мысль о том, что один из д'Аквинов будет скитаться по дорогам Италии, собирая подаяние, встретила ту же реакцию, которую можно было бы наблюдать у сына современного генерала, который решит отправиться автостопом, стать хиппи и жить в пещерах.

Но Фома был полон решимости. Он видел себя последователем другого потомка благородной семьи, который оставил все ради своей веры — Франциска Ассизского. Двумя десятилетиями раньше Франциск основал свой орден и посвятил свою жизнь заботе о больных и нищих, а со временем и о животных и птицах, которых также

считал своими братьями. Фома Аквинский вдохновлял себя примером св. Франциска всю свою жизнь, несмотря на разницу их целей и темпераментов. Когда Фома бормотал что-то про себя, он скорее разбирал аристотелевские доказательства, чем беседовал с птицами.

Предваряя родительские действия, он присоединился к ордену доминиканцев и прекратил обучение в Неаполе. Новообращенный доминиканец теперь готовился к путешествию в Париж, его ум был полон новых идей, вдохновленных трудами Аристотеля, его возбуждала перспектива святой жизни, посвященной наукам. Париж был величайшим центром ученого христианства. Фома мечтал учиться там у Альберта Великого, одного из самых значительных мыслителей той эпохи, прославившегося своими комментариями к Аристотелю.

Девятнадцатилетнему Фоме удалось пройти 80 миль по дороге до озера Больсано, что к северу от Рима. Там братья, выполняя приказ матери, настигли его, связали и доставили в семейный замок в Роккасекке. Фома был заключен в башню. Чтобы вернуть его к здравому смыслу, отец предложил ему занять пост аббата в Монте Кас-

сино (монахы были разрешены Фридрихом II, так как монахи начали хуже относиться к Папе). Но Фома не хотел становиться главой своей старой школы. Что же было д'Аквинам делать со своим упрямым отпрыском, который, казалось, решил стать святым? Мать Фомы, простая норманнская женщина, решила попробовать более французский подход и однажды холодной ночью привела в его башню молодую крестьянскую девушку.

Как свидетельствует история, Фома пытался как раз разжечь огонь на полу своей темницы, когда вошла девушка. Он поднял глаза от огня и увидел видение. Он решил, что его глаза обманывают его. Это была не бедно одетая деревенская девушка, предлагающая себя для ночи дикой необузданной любви, а саламандра: дух страсти, вызванный дьявольской магией. Фома поднял из огня горящую палку и замахнулся на девушку. Видение сразу же растворилось, убежав за дверь, потому что иначе девушка оказалась бы объята пламенем, гораздо более реальным, чем в видении Фомы Аквинского. В состоянии экстаза после чудесного освобождения от злого духа, Фома поднял горящую ветку и начертил на стене знак. Это был крест.

В течение года он пребывал в заточении в башне своего замка, читая Библию и «Метафизику» Аристотеля. Название «Метафизика» было дано дюжине трактатов Аристотеля, в которых обсуждались, помимо других, вопросы о бытии (онтология) и высшей природе сущего. Слово «метафизика», которое стало почти синонимом философии, происходит от греческого «после физики». В этих работах Аристотель пытался открыть условия истинности всего сущего. Известен его вопрос: «Что такое субстанция?», кроме того, он обсуждает соотношение сущности и субстанции, и материи формы. Аристотель отказался от платоновского представления о том, что материя получает форму из абстрактного мира идей. Для него форма была во многих отношениях столь же конкретна, как и материя, или субстанция. Форма считалась ее сущностью.

В последней части «Метафизики» Аристотель рассматривает теологию. Он задается вопросом о том, что есть причина, а затем, что есть причина причины и т. д. Таким образом, по цепочке причинности он доходит до главной причины всех вещей, перводвигателя, который сам неподвижен.

Так он определяет Бога. Эти аргументы были приняты христианской церковью. Аристотелевское доказательство бытия Бога дало философское обоснование (а следовательно, обеспечило интеллектуальную респектабельность) христианской вере. В таком виде аристотелевское мышление (с элементами платоновских идей) сохранилось в Европе во времена мрачного Средневековья. Оно было приспособлено к канонам христианства, которые формировались и сохранялись в небольших группах верующих, пока не стали доминирующей интеллектуальной установкой целой культуры. Хотя идеи, выдвигаемые Платоном и Аристотелем, не могли быть христианскими (они оба умерли более чем за три века до рождения Христа), они все же считались соответствующими духу религии. Тем не менее, как мы увидим далее, доказательство бытия Бога Аристотелем оставалось чем-то странным (например, существование какого именно Бога доказывает Аристотель?).

Молодой Аквинат также посвятил некоторое время изучению «Метафизики» и вопросу о возможных различиях между аристотелевским и христианским Богом, в которого он так преданно

верил. В Аристотеле его впечатлили несравненный интеллект, осознание глубинных бытия, способность доказать существование Бога. Его философские аргументы были питанием для пробуждающегося интеллекта.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Аквината не собирались оставлять в башне вечно. Постепенно его сестра разработала план побега. Ей помогали некоторые из его братьев, которые теперь прониклись большим сочувствием (многие считают, что среди них был Ринальдо, но этому нет свидетельств). Поздно ночью его братья пробрались в башню и спустили Фому вниз в корзине. Следующим утром он уже был на дороге в Париж, затерявшись среди путешествующих странников, рыцарей, женщин, простолюдинов и продавцов пирогов, которые направлялись на ярмарку.

Оставив позади Ломбардию, перебравшись через Альпы и пройдя через всю Бургундию, проделав пешком более тысячи миль, Фома прибыл в Париж. Здесь он обнаружил, что Альберт Великий отправился преподавать в германский город Кельн. Преодолев еще 300 миль, Аквинат прибыл в Кельн.

Учение Альберта Великого во многом способствовало возрождению интереса к Аристотелю. (Он был канонизирован в 1931 году, став св. Альбертом, покровителем естественных наук и ученых, которые считают важным делом защиту науки от еретиков; в эту категорию, впрочем, с возрастом попадают почти все ученые. Альберт Великий был вскоре поражен познаниями двадцатитрехлетнего итальянца. Фома Аквинский к этому времени мог выразить даже самые сложные идеи с потрясающей простотой, но был совершенно не способен проявить свои чувства (разве только при помощи горящей палки). Его большие бычьи глаза умоляюще смотрели на друзей-студентов, которые безжалостно потешались над ним — правда, с почтительного расстояния. Скоро он стал известен как «глупый бык», хотя Альберт Великий говорил о нем: «Запомните мои слова, однажды голос этого быка будет раздаваться над всем христианским миром». Эта история типична для жанра жития святых, она характеризует довольно скованные манеры Аквината и его выдающийся облик.

Со временем Альберт Великий вернулся в Париж, и Фома последовал за ним. Помимо того,

что Парижский университет был уникальным образовательным центром в Европе, он представлял значительный уровень свободы. Его учителя и студенты номинально относились к церкви и поэтому не подчинялись светским властям. Они также не подчинялись епископу Парижа и были ответственны непосредственно перед Римом. В эпоху, когда письмо шло до Рима более четырех суток, это гарантировало студентам и университету достаточный уровень свободы. В следующем веке такая аномалия позволит поэту Франсуа Вийону, осужденному за убийство во время обучения в Парижском университете, избежать наказания. Но во времена Фомы Аквинского основные проблемы связаны не с насилием, а с новыми идеями. В то время, как и сейчас, Латинский квартал Парижа был местом рождения новейших идей, которые еще никто не мог понять и в которые можно было только верить. XIII век ознаменовался возвращением к классическому образованию, в частности, к работам Аристотеля, о которых раньше знали немногие.

Классическое образование после падения Римской империи стало непоследовательным.

Учения Платона и Аристотеля сохранились только во фрагментах. Многие древние манускрипты были утрачены или забыты. В пятом веке труды Аристотеля были переведены на сирийский (древний вариант арамейского, на котором говорили в Сирии) христианами-несторианцами, а затем его работы были переведены на арабский и еврейский. В XII веке сочинения Аристотеля прокомментировал Аверроэс (который, возможно, не стал бы столь известен, если бы его называли по полному имени Абу аль Валид Мухаммед ибн Ахмад ибн Мухаммед ибн Рушд), служивший судьей в захваченном турками испанском городе Кордова. В традиции исламских ученых той эпохи, Аверроэс был также врачом и философом. Когда он стал личным доктором калифа Кордовы, пациент убедил его написать комментарии к работам Аристотеля. Таковые были переведены на латынь, на которой говорили все интеллектуалы Европы и которая объединяла культуру всего континента.

Когда комментарии Аверроэса начали появляться в университетах Европы, они пробудили интерес к философии Аристотеля, дух рассуждений которого был близок переменам, происходив-

шим в средневековом мире. Феодализм приходил в упадок, рост городов способствовал появлению новой культуры и нового мировоззрения.

Христианство уже один раз встречалось с греческой культурой — 800 лет назад. Тогда оно восприняло многие идеи Платона при посредничестве святого Августина. Эти идеи просто подтверждали христианское отношение к повседневному миру. Мир был всего лишь бледной сценой, на которой разворачивалась духовная борьба человечества. Подлинная реальность лежала в области чистых идей: все остальное в лучшем случае — просто заблуждение, а в худшем — заслуживает проклятия.

Такое отношение было удобно для феодального, аграрного общества, но жителям городов требовалось иное понимание своего окружения, чтобы решать новые проблемы, которые ставила перед ними жизнь в городе. Одной из наиболее сложных, например, была проблема канализации.

Научный подход Аристотеля больше подходил для удовлетворения практических нужд. Средневековый мир пробуждался, начали появляться первые технические новинки (например,

открытый трубопровод). Христианская теология впервые столкнулась с проблемой научного объяснения принципов работы мира. Там, где раньше господствовала мистическая вера, начал поднимать голову разум. (При встрече с неизбежной глупостью людей трудно было размышлять о загробном мире или идти чистить канализацию.)

Это изменение мировоззрения сопровождалось переменами в других сферах. В суде возрождение методов римского права вело к проведению полноценных расследований, заменивших попытки найти «истину» за счет пыток ответчика. Казалось, что дела людей начали, наконец, руководствоваться рассудком. Европа была на пороге Ренессанса. То, что он тогда не наступил, — это другая история, и Фома сыграл в ней свою роль. Укрепив догматы церкви при помощи логики Аристотеля, он отдалил неизбежное. Затем в XIV веке наступлению эпохи Возрождения помешала чума, Черная Смерть, оставившая после себя горы трупов и нереализовавшихся идей по всей Европе.

Когда Аквинат прибыл в Париж с Альбертом Великим, он поселился в Латинском квартале, получившем свое название из-за широкой рас-

пространенности в этом районе латинского языка: на нем говорили снимавшие там комнаты студенты. Фома Аквинский остановился на улице св. Жака, в то время главной улице квартала, на которой располагался колледж якобинцев (французских доминиканцев). После получения степени бакалавра, Аквинат, которому теперь было уже 30, получил право преподавать. Высокий, худощавый молодой человек сильно изменился: брови глаза теперь оттенялись густой бородой, а верхняя часть головы постепенно становилась лысой. Биографы Аквината приводят много странных подробностей и его нелепых привычек; достоверно можно сказать, что у Фомы был большой живот. Единственную причину этого я нахожу в том, что ел он много и был неразборчив в еде.

Несмотря на нерасполагающую внешность и отсутствие должных манер, он быстро стал любимцем студентов, его лекции начали собирать толпы. Этот человек прекрасно знал труды Аристотеля, а также мог объяснить его самые сложные идеи очень доступно.

Но идеи Аристотеля утратили популярность среди консервативно настроенных церковных

служителей. К тому времени, когда Аквинат появился в Париже, учение Аристотеля уже не менее четырех раз проклиналось как ведущее к безверию. (В 1231 году папа Григорий IX даже собрал комиссию, чтобы вычеркнуть нежелательные места из работ Аристотеля.) Но Фома делал все возможное, чтобы избегать столкновения с церковью. Он интерпретировал Аристотеля так, чтобы не противоречить теологии. Основанное на самоочевидных божественных принципах и истинах (данных в Библии), знание может строиться на принципах разума. Четыре столетия спустя, по этому же проекту попробует построить свою философию Спиноза.

И все же было одно противоречие, которого Аквинат не смог избежать — противоречие между авторитетами доминиканского ордена и преподавателями университетов. Доктора теологии не признавали недавно возникший орден и не хотели давать его членам привилегий, полагавшихся по закону другим студентам. В их глазах живущие в бедности доминиканцы были ничем не лучше получивших лицензию попрошаек. Доминиканцы отвечали на это отказом признать

авторитет университетов, но настаивали на том, что могут пользоваться всеми привилегиями, доступными другим преподавателям и студентам, то есть свободой от юрисдикции светских властей. Борьба между доминиканцами и университетами достигла своего апогея, когда в 1257 году Фома Аквинский был избран профессором философии в Париже. Те, кто выступал против доминиканцев, отказались признать эту победу и обратились к Папе.

Доминиканцы, казалось, были «не от мира сего», но когда дело дошло до мирских вопросов и проблем, они не растерялись. Особенно в том, что касалось вполне земных вопросов церковной политики. До того, как ввязываться в спор с университетом Парижа, они убедились, что обладают достаточным влиянием в курии — папском дворе. Соглашение было достигнуто, и Фому утвердили на должности профессора. В результате этого назначения доминиканцы обрели вес при дворах и в университетах Европы.

Фома Аквинский продолжал обучение и начал писать свой великий труд. Это была «Сумма против язычников», в которой содержатся блис-

тательные идеи наряду с длинными пассажами, должны были продемонстрировать католикам, что единственно истинная философия остается за пределами разума. Эта, на первый взгляд, оборотительная философская позиция, утверждающая, что философская истина за пределами и находится выше понимания, имеет долгую историю. На самом деле, она присутствует даже в современной философии: Витгенштейн, например, утверждает, будто истина настолько невыразима, что о ней даже не следует говорить.

«Сумма против язычников» — энциклопедическая работа, которая соединяет учение о мышлении Аристотеля и католическую традицию — примерно так же, как святой Августин Блаженный соединил философию Платона с христианством восемью веками ранее. Как мы уже видели, до всеобъемлющего анализа аристотелевских идей Фомой Аквинским и их соединения с христианскими идеями, теология находилась под влиянием вновь открываемой греческой культуры, с ее акцентами на знании и науке. Трудно предположить, как христианская теология могла бы выжить без помощи Аквината.

«Сумма против язычников» является философской работой, цель которой совершенно не философская. В ней Фома использует философские аргументы для того, чтобы продемонстрировать истинность христианской веры. Его аргументы предназначены мыслящим нехристианам. В Европе того времени таких уже почти не было: когда кто-то из таковых пытался сказать, что вера — не главное, инквизиторы принимали энергичные меры, чтобы доказать, что это как раз главное. Для кого же писал Аквинат? Его воображаемый читатель — арабский ученый. После того, как на сотнях страниц демонстрируется непогрешимость истин христианской религии, таковому должно стать ясно: у него не существует иного выхода, кроме как перейти из ислама в христианство. Сколько арабских интеллектуалов были настолько впечатлены работами Аквината, что сделали это, неизвестно.

Цель Фомы Аквинского может быть спорной, но его философские размышления действительно заслуживают высокой оценки. Его аргументы просты и следуют четкой логике, шаг за шагом, в манере, напоминающей диалоги Пла-

тона и работы Аристотеля. Он любил начинать с простых и общеизвестных вещей, а затем постепенно приходил к более сложным и глубоким умозаключениям. Возьмем, например, его понятие «мудрости». Возможно, говорил Аквинат, достигнуть мудрости в какой-то конкретной сфере, например, в искусстве зарабатывания денег. Здесь мудрость является средством, которое применяется для достижения определенной цели (стать богатым). Но все частные цели подчинены общей цели вселенной. Эта цель — абсолютная истина, которая является благом. Следовательно, высшая форма мудрости ведет нас к пониманию этой общей цели: божественной воли.

Кто не согласен с тем, что высшая цель есть благо, совершает ошибку в рассуждении. Невозможно отрицать ведущую роль разума в такой ориентации, эту черту Аквинат позаимствовал у Аристотеля. Согласно Фоме, любое правильное рассуждение неизбежно приведет нас к Богу. Но оно не может провести нас дальше. Мы можем доказать существование Бога и бессмертие души. Но разум не способен доказать существование таких вещей, как Страшный суд или Святой дух.

Их существование может быть только результатом откровения, доступного через веру.

Фома Аквинский многое сделал для того, чтобы разграничить области знания и веры. Истины, демонстрируемые с помощью разума, не противоречат истинам веры. Точно так же истины веры, полученные путем откровения, согласуются с истинами разума. К счастью, большая часть «Суммы против язычников» посвящена последним, и только когда рассуждения приходят к своему заключению, Аквинат говорит, что они находятся в согласии с верой.

Такое разделение Аквинатом сфер разума и веры прокладывает путь независимому научному исследованию с использованием методов Аристотеля. В то же самое время Фома подчеркивает, что выводы, полученные в результате таких исследований, согласуются с основоположениями веры. Создается впечатление гармоничного партнерства между разумом и верой, но это иллюзия. Церковь давно уже сделала науку не более чем пищей для себя. И она проглотила Аристотеля целиком (или, по крайней мере, те остатки его философии, которые сохранились после мрачно-

го Средневековья). Наука Аристотеля теперь стала частью веры. Мир состоял из земли, воды, воздуха и огня, земля была центром Вселенной, тяжелое тело падало на землю быстрее легкого. Аристотель написал, что это так, поэтому так и считали (несмотря на то, что любой, кто уронит одновременно карандаш и книгу, может убедиться в обратном).

Главные трудности для Фомы Аквинского начинались тогда, когда логика Аристотеля применялась к той науке, которую он породил. Здесь разум и вера *действительно* начинали противоречить друг другу. Но в то время такие трудности разумнее было прятать под сукно, где им суждено было оставаться еще три века, до открытий Коперника и Галилея. Коперник использовал математические расчеты, чтобы показать, что Земля вращается вокруг Солнца. Опытная наука Галилея может рассматриваться как применение разума в практической сфере. Аристотель, конечно же, согласился бы с тем, что эти ученые развивают науку, которую он создал. Он никогда не стремился к тому, чтобы его теория оставалась неизменной. По Аристотелю наука находится в

процессе постоянного развития. Устойчивым является лишь *метод*.

Если бы церковь просто отделила метод Аристотеля (аргументация, логика, категории) от его результатов, конфликта с наукой не возникло бы. Научные результаты Аристотеля могли бы рассматриваться как существующие в рамках его эпохи, вроде как одежда или языческие верования. Это лучше всего иллюстрируется конфликтом, который так и *не возник*. Аристотель едва ли говорил о коммерции, и поэтому изобретение банковского дела, которое имело место примерно в ту эпоху, не задевало постулаты веры (за исключением библейской заповеди против ростовщичества, на которую все закрывали глаза). Аристотель ничего не написал о двойной бухгалтерии, обменных курсах или займах. В результате «наука денег» развивалась беспрепятственно, к счастью для европейской цивилизации (и конечно, банкиров).

Но вернемся к «Сумме против язычников». Прояснив природу разума, Аквинат решает теперь использовать его для главной задачи: доказательства бытия Бога. Сегодня эта тема считается в принципе не подлежащей сфере разумного дока-

зательства. Существование Бога для нас самоочевидно, это вопрос веры. Или же можно считать все это сказками. Какими бы развитыми ни были аргументы «за» или «против», они заранее несостоятельны. Другими словами, сегодня мы считаем, что такие вопросы, как существование Бога или бессмертие души, относятся к области веры. С философской точки зрения важно то, что Фома Аквинский различает эти два понятия (разум и вера), а не то, что он использует их неправильно. Как мы уже видели, что-то похожее происходит и в современной философии, когда Витгенштейн утверждает: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Другими словами, любая высшая истина, если таковая и есть, находится настолько за рамками доказательства, что об этом бессмысленно даже рассуждать.

Полезно придерживаться подобного отношения к доказательствам бытия Бога, представленным Аквинатом. Важен здесь не результат, а сам ход мысли. Другими словами, форма такой аргументации.

Впрочем, это не надо понимать буквально. Ведь аргументация, используемая расистами или

приверженцами теории плоской земли, может по форме превосходить соображения сторонников космополитизма и гелиоцентризма, но это не значит, что выводы первых правильнее. Доказательства бытия Бога, возможно, кажутся старомодными, но их форма все еще имеет ценность для нас. Действительно, как мы увидим, современные ученые используют подобную форму аргументации для объяснения существования Вселенной.

Любопытно, но Аквинат начал с того, что отверг доказательство, существовавшее еще за век до его рождения, а именно онтологическое доказательство бытия Бога.

Создателем онтологического доказательства был Ансельм Кентерберийский, итальянский монах, который стал архиепископом во время правления Уильяма Руфуса. Онтологическое доказательство было лучшим из его достижений. Говоря просто, оно начинается с утверждения, с которым большинство людей согласны (даже если они не верят в Бога). Утверждается, что идея Бога — величайшая из всех возможных идей. Согласно Ансельму, если этой идеи не существует, то должна существовать более совершенная идея, в ко-

торую также включается свойство существования. Поэтому величайшая идея должна существовать, иначе будет возможна еще более великая идея. Следовательно, Бог существует.

Аквинат отказывается от этого доказательства на том основании, что мы, смертные, можем иметь лишь смутное представление об атрибутах Бога и никогда не сможем знать их точно. Поэтому мы не можем *доказать*, есть ли среди этих атрибутов существование или нет.

Несмотря на то, что оно было отвергнуто Фомой, онтологическое доказательство имело долгую историю. Четыре века спустя его использовал Декарт, а затем в различных формах — Спиноза и Лейбниц. В последующем веке Кант согласился с Фомой Аквинским и сказал, что разрушил онтологическое доказательство раз и навсегда — но что-то очень похожее снова всплыло в философии Гегеля. Доказательства бытия Бога могут казаться многословными, но они достались в наследство философии, уже освободившейся из оков теологии. И хотя онтологическое доказательство впоследствии вышло из моды в философии, не столь давно оно удивительным

образом вернулось в науку: космологи начали использовать его для объяснения происхождения Вселенной. Аргументы следующие: до Большого взрыва ничего не существовало. «Все» было ничем, лишенным атрибута существования. Но это *все*, для того чтобы стать действительно *Всем*, *должно было* обрести существование. Это объяснение облечено в квазинаучную терминологию, но в основе своей близко к средневековой логике.

Это неожиданное воскрешение не уникально. Не кто иной как Стивен Хокинг использует похожие аргументы в своей книге «Краткая история времени». Он обсуждает возможность создания общей теории, которая могла бы полностью объяснить существование мира. В одном месте Хокинг спрашивает: «Будет ли эта теория настолько совершенной, чтобы оправдать собственное существование?» Это, по-видимому, перекликается с онтологическим аргументом. Предполагается, что так и будет.

Как мы видели, Аквинат не занимался теорией Большого взрыва и не создавал общей теории. Он имел свое представление о наиболее важных вопросах, которые необходимо ставить, чтобы по-

знать начало мира и его принцип действия. Они в скрытой форме присутствуют в его доказательстве бытия Бога, предложенном в «Сумме против язычников». По существу, это перефразирование доказательства аристотелевского существования перводвигателя. Аквинат утверждает, что «все, что движется, приводится в движение чем-то другим». Эта цепочка причин и следствий может быть прослежена сколь угодно долго. Но она не может быть бесконечной. Следовательно, со временем мы придем к перводвигателю, который сам по себе неподвижен. По словам Фомы, «всем ясно, что это Бог». Хотя надо отметить, что первоначальное аристотелевское доказательство существования перводвигателя не имело никакого отношения к христианскому Богу. Оно даже не привело Аристотеля к идее о существовании еврейского Бога Ветхого Завета. На самом деле, он пришел к совершенно греческим представлениям о наличии множества *различных* богов, что едва ли соответствовало морали христианства. Возможно, в этом Аристотель разделил предрассудки своего времени. В других местах он говорит о Боге как о высшем разуме или духе. Что означает, что при помощи его доказатель-

ства существования перводвигателя можно доказать существование любого вида богов — от бога математики до маленького козлоногого бога, который играет нимфам на флейте.

Доказательство Аквинатом существования перводвигателя имеет и механические следствия, хотя его вывод не согласуется с научными представлениями (предположим, что Большой взрыв был вызван бесконечно сильно сжатой частицей, но почему мы должны считать ее Богом?). Также это доказательство невозможно применить в математике, в которой действительно *существует* бесконечный ряд. Об этом было неизвестно во времена Фомы Аквинского. Хотя он, вероятно, знал о непериодических числах, таких как число π , которое было открыто еще Евклидом: произведения этого греческого ученого были переведены в эпоху Аквината и сильно повлияли на развитие геометрии в средневековом мире.

Как Аквинат мог принять во внимание теорию Большого взрыва, которая появилась только в XX веке? И не мог ли он считать математические данные абстрактными, не связанными с физическим миром причин и следствий?

В остальных аспектах философия Фомы Аквинского очень реалистична. Как и Аристотель, он был склонен к эмпирическому подходу: наше знание происходит из опыта. Подход Аквината был описан ярким католическим писателем начала XX века Честертоном, который назвал их «организованным здравым смыслом». Это, конечно, нелепо, но если мы посмотрим на работы Фомы в свете его времени, то мы поймем, что это так. В XIII веке многие идеи Аристотеля были настолько распространены, что считались частью здравого смысла. Было очевидным вращение Солнца вокруг Земли например. Другие его идеи могут показаться менее вероятными, но все же, можно понять, насколько они были убедительными в то время.

Например, считалось очевидным, что мир состоит из земли, огня, воздуха и воды. Конечно же, это не подтверждает ни опыт, ни эксперимент. Это просто гипотеза. Но если вы будете ее придерживаться, как Аристотель и ученые Средневековья, то будете смотреть на мир с *качественной* точки зрения. И тогда легко представить себе мир как соединение таких качеств. В конце концов, наш опыт мира, получаемый при помощи

чувств, в основе своей является качественным. Сладкий, кислый, горячий, холодный, яркий... земля, вода, воздух и огонь — просто дедуктивный вывод из этих посылок.

Таким был взгляд на мир, унаследованный Аквинатом от Аристотеля — парадигма или установка, характерная для средневековой философии. Ограниченность такого мировоззрения становится заметной только в сравнении с другим, например, с нашим сегодняшним. Современный взгляд на мир в основе своей является *количественным*. Мы смотрим не с точки зрения качеств, а с точки зрения измерений. (Именно поэтому средневековая математика считалась такой абстрактной, тогда как наша описывает все, от субатомных частиц до самых дальних пределов Вселенной.)

Количественный подход также возник в Греции. Демокрит говорил, что мир состоит из неделимых атомов, Архимед применял математику к решению практических проблем механики и гидростатики. Но этот подход был отвергнут аристотелевской традицией. Его возрождение в эпоху Ренессанса положило начало современной науке. Однако следует отметить, что количественный

подход не является единственным в наше время. Средневековое мировоззрение может показаться нелепым в мире квантовой физики и черных дыр, но и наш подход не лишен ограниченности. И эта ограниченность не была бы понятна во времена Фомы Аквинского. Формулы физики могут объяснить появление радуги и даже показать, почему цвета появляются именно в этой данной последовательности. Но они не могут передать красоту — а именно таковая и является неотъемлемым свойством радуги. Современные ученые осознают это. Великий физик Ричард Фейнман, занимающийся квантовой теорией, однажды сказал: «Наука способна предсказывать. И ясно, что она еще слаба. Если бы вы никогда не были на Земле, могли бы вы предсказать грозы, вулканы, волны океана, восходы и красоту заката?.. Следующая эра развития разума, возможно, создаст методы понимания качественного содержания событий... Сегодня мы не можем видеть в уравнениях «квантовой механики» туман, музыку или мораль, как и их отсутствие». Поэтому «следующая эра развития разума» вполне может взять на вооружение средневековую науку!

Аквинат продолжал работать над «Суммой против язычников» несколько лет, но, не успев закончить свой великий труд, был назначен в курию как советник. В 1259 году он вернулся в Италию и занял пост в Анагни, городе, находящемся в 30 милях от Рима. В нем Папа Александр IV основал свою резиденцию, так как это был его родной город. (В те дни Папа предпочитал править из безопасной гавани. Улицы Рима кишели ворами, убийцами и попрошайками, которые нападали на прохожих и туристов. В отличие от сегодняшнего времени, они нападали и на Пап!)

Папа Александр IV (подлинное имя которого Ринальдо) происходил из известной папской семьи (его дядя был Папой Григорием IX). Александр IV был известен своей любовью к инквизиции, а также безуспешными попытками возглавить крестовый поход против монголов. (По разумным причинам никто не хотел скакать сотни миль по голой степи, чтобы разбудить осиное гнездо монгольских войск, и орды наследников Чингисхана могли спать спокойно.) К несчастью, Александр был настолько занят этим, что забыл назначить кардиналов. Это означало, что после

его смерти в 1261 году, через два года после прибытия Фомы, осталось только восемь кардиналов. Престарелые кардиналы собрались на совет, чтобы избрать нового Папу, но не смогли договориться о том, кто из них должен взять на себя этот труд. Поэтому в итоге они отдали титул патриарху Иерусалима, который случайно приехал в город с визитом из Священной земли. Это был француз по имени Панталеон, который мудро решил принять имя Урбан IV. Поэтому Аквинат теперь служил новому Папе, который начал править в Орвието, но затем перебрался в Перуджию, потому что боялся отравления.

Во время своего пребывания в курии Фома закончил «Сумму против язычников», написал комментарии к Евангелиям, сочинил несколько прекрасных гимнов, завершил комментарии к Аристотелю, а также трактат, указывающий на ошибки греческой философии. Количество его работ столь же велико, как и у многих великих философов. Но тот факт, что он пользовался услугами секретарей, говорит о том, что стиль его трудов не блистал. Он утверждал, что может диктовать сразу четырем секретарям одновременно, хотя

во времена гусиных перьев, сложного итальянского шрифта и секретарей средневекового офиса это было не так сложно, как может показаться.

Аквинат также проводил много времени в курии, занимаясь подготовкой унии между католической церковью Рима и православной церковью Византии. Этот проект лелеяли многие Папы. Проходили долгие и сложные переговоры, делались уступки и писались сложные документы, временами даже случались встречи между двумя партиями, но это ни к чему не приводило. Католики оставались византийцами в своем подходе, а византийцы и без того были византийцами.

Аквинат не единственный великий философ, игравший важную роль в попытке объединения церквей. В XVII веке немецкий философ Лейбниц проявлял активность в деле объединения католической и протестантской церквей (Византия к этому времени давно находилась под властью турок). Для философов того времени он играл необычно важную роль в политике, и вдвойне необычно, что он относился к этой роли серьезно. Лейбниц разрабатывал очень сложные планы, слишком сложные для того, чтобы им осуществиться.

Фома Аквинский использовал аристотелевский подход к политике, то есть прагматический подход, имеющий некоторые шансы на успех. Когда Аристотель писал новую конституцию для какого-то города, его главным критерием была возможность применения этих правил на практике. И только потом он предпринимал попытку внедрить в практику лучшие черты из конституций других городов. Аквинат несколько раз предпринимал попытки найти общее между практиками обеих церквей, но переговоры сводились на нет неприятием его принципов политики представителями противоположных партий. Все попытки Аквината привести стороны к переговорам провалились.

В то время как политическая деятельность Аквината имела практическую направленность, его теория политики оставалась весьма абстрактной. Для Аквината государство было совершенным общественным устройством. Оно не могло быть подавляющим, потому что главная моральная цель в этой жизни — счастье людей. Это может показаться странным, но по крайней мере не лишено здравого смысла — и даже могло бы слу-

жить общим принципом. Но, к несчастью, Фома был слишком интеллектуален, чтобы позволить такую неясность. Он пытается применить подход Аристотеля, любовь которого к здравому смыслу в греческом понимании этого слова оставалась принципом философии в течение многих веков. Одним из принципов метафизики Аристотеля было следующее утверждение: часть относится к целому так же, как несовершенное относится к совершенному. Поэтому, так как индивид является частью совершенного общества, закон должен быть направлен на счастье человека (потому что в совершенном обществе все должны быть счастливы). Это рассуждение требует прояснения, потому что его выводы неочевидны. Впрочем, прояснить эту мысль так и не удалось.

К счастью, политическая теория Аквината никогда не применялась к реальности. Однако его практические навыки политика были высоко оценены и оставались востребованными. В 1268 году он спешно прибывает с дипломатической миссией в Париж. Его университет опять сотрясает борьба между доминиканцами и профессорами. В то же самое время недавние переводы комментариев

Аверроэса к Аристотелю привели к опасному радикализму. Перед Аквинатом стояла нелегкая задача — защищая доминиканцев, защищать и своего любимого Аристотеля от нападков со всех сторон. Традиционалисты считали, что последние новшества противоречат ортодоксальной вере и ставят под угрозу все христианские интерпретации Аристотеля. Аверроисты (как теперь назывались радикалы) хотели воскресить старое различие между разумом и верой. С их точки зрения, разум и вера представляют собой две совершенно разные формы знания: религиозное знание с одной стороны и научное рациональное знание — с другой. Они считали, что знания веры и знания разума совершенно независимы и могут противоречить друг другу. Этот революционный раскол (который все еще действует и в сегодняшнем мышлении) справедливо считался угрозой диктату церкви.

Аквинат продолжал защищать свое видение теологии как «науки разума», основанной на принципах откровения. Но его защита автономии разума, хотя и в границах веры, заставила многих традиционалистов считать его союзником аверроистов.

Помимо этого Фоме приходилось еще защищать интересы доминиканцев. Большинство причин этих раздоров были политическими, а не интеллектуальными, но, к счастью, у Аквината нашлись влиятельные сторонники, одним из которых был Луи IX, король Франции.

Луи IX во многих отношениях был типичным средневековым монархом. Непоследовательный, исполненный благих намерений человек, он правил Францией уже 40 лет. Ему нравилось общество интеллектуалов: основатель Сорбонны был его близким другом и яркие представители церкви, такие как Фома Аквинский, оказывались частыми гостями за его столом. Луи был известен в Европе своей беспрецедентной дипломатичностью. Он действительно держал слово, даже если ему были не выгодны подписанные им договоры, — качество настолько же редкое в XIII веке, как и в XX. Луи IX был также инициатором строительства церквей, самой знаменитой из которых является Сент-Шапель в Париже, построенная, чтобы хранить очень редкую реликвию, подаренную ему императором Византии (терновый венец Христа).

Но больше всего Луи IX запомнился потомкам своими крестовыми походами. В 1248 году он начал шестой крестовый поход. Все шло хорошо до 1250 года, когда Луи был разбит и захвачен в плен при защите крепости Аль-Мансура в Египте. Он содержался в Сирии, пока четыре года шли переговоры по его возвращению. Наконец, его освобождение было куплено ценой огромной суммы денег и сдачи всех завоеванных им во время похода территорий.

После этого многие думали, что Луи IX откажется от идеи крестовых походов, но через несколько лет он начал планировать новый. Наконец, в 1270 году он еще раз собрался в Священную землю. Однако заболел лихорадкой вскоре после выхода из Франции и вынужден был остаться в Тунисе, где и умер. Через 27 лет Луи IX был причислен к лику святых.

Король Луи IX был весьма расположен к Фоме Аквинскому. Одна из самых достоверных историй про Аквината повествует о том, как он отправился на ужин, который давал король. Речь короля неожиданно прервал один из гостей, сильно ударивший кулаком по столу. Весь зал замер и

установился на человека, который даже не понял, что он сделал. Это был, конечно, Аквинат. Глубоко погруженный в свои мысли, он бормотал себе: «Вот теперь ясно!»

Король, не привыкший, что его так прерывают, потребовал объяснений. Фома подошел к нему и сказал: «Простите меня, ваше величество, но я только что понял, как опровергнуть манихейство».

Луи был так впечатлен клириком, забывшим о том, что тот находится на королевском ужине, что вместо наказания приказал ему продолжать размышления и выделил секретаря для их записи. В манихействе, христианской ереси, возникшей в третьем веке, мир считался результатом борьбы между добром и злом, светом и тьмой. Человеческая душа состоит из света, но поймана в ловушку тьмы, из которой должна освободиться. Простота и связность этой доктрины, корни которой уходят в дохристианские культы, сделали манихейство популярным верованием в Средиземноморье (св. Августин был манихеем, прежде чем признал христианство).

Аквинат опроверг манихейство, отрицая его дуализм. Зло не существует само по себе как поло-

жительная сила, это просто недостаток блага. Даже совершая самые злые поступки, мы всегда имеем в виду добро (так, как мы его понимаем). Психологически это понятно. Убийца рассматривает смерть своей жертвы как благо, даже палач делает свое дело, считая, что оно полезно. Суть в том, что наши представления о добре могут быть ошибочными, что и делает их злом. Несмотря на то, что манихейство было опровергнуто Фомой Аквинским, оно оказалось не менее умело восстановленным его учеными противниками и продолжало существовать до XV века и, возможно, дольше. Действительно, есть исторические исследования, утверждающие, что это учение проникло и в Новый Свет вместе с первыми поселенцами.

Но у Аквината были и другие дела в Париже, кроме опровержения ересей за королевским ужином. Для того чтобы защитить доминиканцев и воспрепятствовать разрушению аристотелизма, он написал трактат, который называется «De Pestifera Doctrina Retrahentium Homines a Religionis Ingressa» (что можно свободно перевести как «Все о смертельной доктрине, выдвигаемой ретроградами, которая может привести нас

обратно в Темные века»). Возможно, из-за интригующего заголовка этот трактат скоро стал бестселлером в Латинском квартале, и Аквинат выполнил свою миссию.

В 1272 году он вернулся в Италию и занял пост преподавателя в своем родном университете Неаполя. Здесь он продолжил работу над вторым великим трудом «Сумма теологии» — попыткой свести вместе все различные элементы своей мысли во всеобъемлющую философскую систему. В нее должны были войти все моральные, интеллектуальные и теологические принципы католической церкви. Хотя эта работа не завершена по причине смерти Фомы Аквинского, она остается самым полным и самым лучшим выражением средневековой мысли. Произведение Аквината не вызывает сегодня массового интереса: его изучают разве что католики, потому что в нем содержится истина о философии.

Тон задают пять доказательств бытия Бога. (Современный читатель мог бы удивиться, зачем необходимо пять доказательств, когда достаточно и одного.) К числу других тем, обеспечивших известность работы, относятся следующие: «Каков

будет мир после Судного дня?», «Являются ли слабость, невежество, злость и страсть результатом греха?» и «Прекратится ли движение небесных тел после Судного дня?». Вам, может быть, трудно поверить, что средневековые ученые питали большой интерес к этим темам, особенно если они уже сопровождаются перечислением всех «за» и «против» и снабжены цитатами «философа» (Аристотеля) и других давно почивших авторитетов. Но вы ошибетесь. В это время в Европе возникло множество монастырей, некоторые из которых в весьма отдаленных районах. Внутри этих учреждений низшие монахи занимались в основном тем, что выращивали репу и пили пиво, предоставляя интеллектуалам сражаться с болезнью, которая достигла масштабов эпидемии, а именно *вялостью*, часто известной как «болезнь монахов», отупляющей апатией или леностью. В таких обстоятельствах длинные и усердные обсуждения Фомой Аквинским вопросов о том, «руководит ли душа движениями тела у неразумных животных», «сохраняется ли тело у воскресших после смерти» и «должны ли мы любить свое тело», могли оказаться интересным чтением.

К счастью, Фома был заинтересован в том, чтобы написать нечто большее, чем ответ христианства Талмуду. Помимо скучных монологов в его работах присутствуют мысли, опережающие свое время. Возьмите, например, рассуждения Аквината о том, сопровождается ли боль и страдание всякое удовольствие. Он начинает с цитирования «философа»: «Удовольствие — это своего рода пробуждение аппетита к благу, тогда как страдание возникает, когда что-то не удовлетворяет этому аппетиту». Затем в абзаце, который не должен смущать своей старомодностью, он продолжает: «Человек может обнаружить себя в печали, когда он занимается приятным делом, которое он разделял с другом, но теперь этого друга нет или он умер. При таких обстоятельствах в нем существуют две причины, которые производят противоположные следствия. Мысль об отсутствии друга причиняет ему страдание. С другой стороны, его жизнь в настоящее время посвящена приятному делу, вызывающему у него удовольствие. Каждая из этих причин в чем-то меняет другую. Но наше восприятие настоящего сильнее, чем память о прошлом. Также наша любовь к себе более постоянна, чем лю-

бовь к другому. То есть, в конце концов, наше удовольствие прогоняет печаль».

Здесь Аквинат обнаруживает психологическую проницательность, которая чудесным образом вписывается как в ортодоксальную религию, так и в его собственную (наряду с Аристотелем) философию. Описывать внутреннюю психологию нелегко языком той эпохи. А писать о психологии, которая одновременно опирается и на философию, и на теологию, — это очень сложный интеллектуальный трюк.

Здесь мы переходим к моральной философии Фомы Аквинского. Он снова берет на вооружение аристотелевский подход здравого смысла. Как Аристотель, так и Фома считали целью жизни счастье человека. Плыть по жизни под таким флагом означало тогда лавировать между рифами ереси и осуждения, хотя Аквинат обладал достаточным мастерством, чтобы на них не попасть. Целью моральной философии он считал поиск путей достижения счастья — для индивида, семьи, общества. Такое счастье достигается жизнью по «естественным законам», открываемым разумом. Этот естественный закон может быть отброшен, что делает

поведение как аморальным, так и нерациональным. Как мы уже видели, неразумное поведение обычно является следствием глупости, при которой человек ошибочно принимает за благо нечто другое (например, убийство или жадность).

Аквинат определяет основные добродетели, которые способствуют достижению цели. Это благоразумность, справедливость, терпение и сила духа. Благоразумие является среди них главной. Для современного человека это понятие может показаться слишком неопределенным: сохранение рассудка в действиях. Латинское слово, которое использует для него Аквинат, — «*prudentia*». Оно более точно и обозначает мудрость, умение предвидеть и интеллектуальные навыки. И все же, в качестве руководящего принципа оно остается довольно нечетким. Фома, вероятно, имел в виду, что мы должны развивать в себе непосредственное восприятие, которое позволит самостоятельно увидеть хорошее. Сегодня мы живем во времена неопределенности, когда в этике существует множество лидеров; во времена Аквината лидер был всего один — церковь. Размытость понятия *prudentia* позволяет менять моральные ориентиры церкви.

Более десяти лет Фома Аквинский читал лекции в университете Неаполя, работая над своей «Суммой теологии» и перерабатывая свои многочисленные комментарии, трактаты, проповеди, работы по экзегетике и т. п. Осенью 1273 года, когда он работал в своей келье, у него случилось мистическое откровение. В экстазе он увидел образ истины и вечной радости жизни. После этого он стал более замкнут и даже прекратил писать, объясняя это тем, что любые тексты являются лишь «соломой на ветру» (ерундой). Зимой он заболел. Хотя ему было только 50, годы напряженной работы не могли положительно сказаться на его облике и здоровье. Аквинату оставалось жить только несколько месяцев.

Под Новый год к Фоме прибыли послы от Папы Григория X, которые требовали его присутствия на Втором соборе в Лионе. Там должна была состояться еще одна попытка примирения между западной и восточной христианскими церквами. Аквинату предстояло объяснить собору, что разногласия между доктринами могут быть теоретически преодолены.

Несмотря на свою болезнь, он отправился в путешествие, длиной в 600 миль, которое уже не

смог завершить. Он едва узнавал окружающие его места. Но когда он ехал по дороге севернее Неаполя, он обнаружил, что узнает пейзаж его родного замка Аквино. На горе над долиной и над деревней Роккасекка он узнал знакомый силуэт замка, в котором он родился в 1225 году.

Послесловие

Философия Фомы Аквинского, позднее известная как томизм, была принята на вооружение церковью. Его работы использовались для решения доктринальных споров, а его философия стала интеллектуальным высшим авторитетом (высшим церковным интересом, конечно, остается Папа, но его решения обычно не являются примерами интеллектуального творчества).

Это оказало свое влияние на философию, которая стала сводиться к выяснению того, что сказал по тому или иному вопросу Фома или Аристотель. Комментарии были распространенным жанром в те дни, а оригинальная философия оставалась мертва (можно спорить о том, была ли

она живой со времени св. Августина, жившего за восемь столетий до Фомы Аквинского).

Такое положение дел продержалось еще два века после его смерти, до окончания эпохи Средневековья. Удивительно, но оно сохранилось и в эпоху Возрождения, когда мировоззрение людей претерпело сильнейшие изменения. Земля и римская католическая церковь перестали быть центром мира. Процветали науки и гуманизм, вдохновляя ученых и исследователей на новые открытия. Однако философия оставалась неизменной, в университетах по-прежнему преподавался томизм, а мир науки еще два столетия жил по законам Аристотеля.

В этом колоссальном готическом строении, на которое было потрачено столько труда и гениальности, как ни на что другое, первые трещины начали появляться только в XVII веке. В 1637 году Декарт опубликовал «Рассуждение о методе». В своем трактате он поставил под вопрос все принятые ранее условности и пришел к основе, на которой начал строить свою философию. Такой основой стало его знаменитое изречение «*Cogito, ergo sum*» — «Мыслю, следовательно, существую». Фома с Аристотелем навсегда остались в прошлом.

Из произведений Фомы Аквинского

Знаменитое доказательство бытия Бога как «перводвигателя»:

«Первый же и самый очевидный путь тот, который берется из движения. Ведь достоверно и установлено чувством, что нечто движется в этом мире. Все же, что движется, приводится в движение чем-то другим. Ведь что-либо движется только вследствие того, что оно находится в потенциальности относительно того, к чему оно движется; движет же нечто вследствие того, что оно актуально. Ибо «приводить в движение» есть не что иное, как выводить нечто из потенциальности».

ти в актуальность; из потенциальности же в актуальность ничто не может быть выведено иначе, нежели благодаря чему-то существу актуально. Так актуально теплое, например огонь, делает дерево, которое потенциально теплое, актуально теплым, и, тем самым, приводит его в движение и изменяет его. Однако невозможно, чтобы то же самое было бы одновременно актуальным и потенциальным в отношении одного и того же, — но только в отношении различного; ведь актуально теплое не может быть одновременно потенциально теплым, но оно вместе с тем потенциально холодное. Следовательно, невозможно, чтобы нечто было движущим и движимым в отношении одного и того же и одним и тем же образом, или чтобы оно приводило в движение самое себя. Следовательно, все, что движется, должно приводиться в движение другим. Следовательно, если то, посредством чего [нечто] приводится в движение, также движется, то оно должно само приводиться в движение другим; и так же и о другом. Но этот процесс не может уходить в бесконечность; поскольку так не было бы ничего первично движущего; а вследствие этого и ничего движущего

другое, поскольку вторичное движущее не движет иначе, как благодаря тому, что оно приводится в движение первично движущим, как, например, палка движет только благодаря тому, что приводится в движение рукой. Следовательно, необходимо прийти к чему-то первично движущему, которое ничем не приводится в движение, и все под этим разумеют Бога».

Сумматеологии

Опровержение Фомой Аквинским онтологического аргумента:

«Мы никогда не можем знать, что есть Бог, можем только знать, что Он не есть. Следовательно, мы должны размышлять о том, чем Он не является, а не о том, что Он есть».

Сумматеологии

Пример использования Фомой работы Аристотеля, который восхитителен в принципе, но лишен практической направленности:

«Как показывает Аристотель, мы должны продолжать поступать так при изучении каждого определенного класса вещей. Во-первых, мы должны

пытаться открыть качества, которыми обладают все представители класса в целом. Только после этого мы должны изучать особые качества различных индивидов в нем... Существует класс вещей, включающий в себя все живые существа. Поэтому лучший способ изучить его членов — сначала открыть качества, которыми обладают все представители класса в целом, а только потом изучать особые качества, которыми обладают различные индивиды.

Существует одно общее качество у всех живых существ. Это душа — потому что все живые существа обладают душой. Поэтому, чтобы открыть знание о живых существах, лучше всего начать с изучения души, которая присутствует в каждом из них».

Комментарии к трактату «О Душе» Аристотеля, глава «О душе»

Этот подход не столь смешон, как может показаться: Качество, которое отличает живых существ — это душа. Последующие количественные исследования не могут определить положение этой неуловимой сущности. Но не остается сомнений, что это понятие отражает какую-то часть на-

шего опыта. Наука поэтому отступает к более безопасному и надежному понятию «сознание». Но и оно сегодня ставится под вопрос: что такое сознание? Количественный подход сталкивается с трудностями при его определении, и, тем не менее, оно остается основой нашего опыта. Возможно, эта проблема будет решена только тогда, когда наука освоит качественный подход, применявшийся Аристотелем, Фомой Аквинским и средневековой философией.

«Божественная комедия» Данте содержит в себе целый мир Средневековья. Она дает нам пример почтения, которым наделялись Фома и Аристотель. О древнегреческом мастере говорится как о «il maestro di color che sanno» (учителе тех, кого мы знаем), а о Аквинате Данте упоминает как о «fiatma benedetta» (огне божественной мудрости). Аристотель считается умнейшем из мужей, но только слово Аквината обладает божественным вдохновением.

«Конечная цель всякой вещи — та, которую имел в виду ее первый создатель и двигатель. Но первый устроитель и двигатель Вселенной — ум, как будет показано ниже. Следовательно, конеч-

ной целью Вселенной должно быть благо ума. Но благо ума — это истина. Следовательно, истина должна быть конечной целью всей Вселенной; и мудрость должна быть устремлена в первую очередь к ее рассмотрению. Именно поэтому божественная Мудрость, облекшаяся плотью, свидетельствует, что она пришла в мир, дабы явить истину, как сказано у Иоанна: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине» (Ин., 18:37). Но и Философ определяет первую философию как «знание истины»; не любой истины, но той, которая есть источник всякой истины, то есть относится к первоначалу бытия всех вещей; поэтому и истина его есть начало всякой истины, ибо расположение вещей в истине такое же, как и в бытии».

*Сумма против язычников, глава 1 «В чем
обязанность мудреца»*

Важные даты в философии

6 в. до н.э. Начало развития западной философии — Фалес из Милета.

Конец 6 в. до н.э. Смерть Пифагора.

399 г. до н.э. Сократ приговорен к смерти в Афинах.

387 г. до н.э. Платон основывает Академию в Афинах, первый университет.

399 г. до н.э. Аристотель основывает Лицей в Афинах, в противовес Академии.

324 г. н.э. Император Константин переносит столицу Римской Империи в Византию.

400 г. н.э. Блаженный Августин пишет свою «Исповедь». Философия сливается с христианской теологией.

529 г. н.э. Император Юстиниан закрывает Академию в Афинах, ставя, таким образом, точку на эллинистической мысли.

Середина 13 в. Фома Аквинский пишет комментарий к трудам Аристотеля. Эра схоластики.

1453 г. Завоевание Византии турками, конец Византийской Империи.

1492 г. Колумб открывает Америку. Ренессанс во Флоренции и возрождение интереса к учению греков.

1543 г. Коперник публикует свой труд «О вращениях небесных сфер», в котором он математически доказывает, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. По настоянию церкви Галилей отрекается от гелиоцентрической теории Вселенной.

1641 г. Декарт публикует свои «Размышления», послужившие началом развитию современной философии.

1677 г. Со смертью Спинозы становится возможной публикация его «Этики».

1687 г. Опубликование «Математических принципов натуральной философии» Ньютона с законом всемирного тяготения.

1689 г. Локк выпускает «Опыт о человеческом разумении». Начало эмпиризма.

1710 г. Выходит книга Беркли «Трактат о причинах человеческого знания», в которой развиваются идеи эмпиризма.

1716 г. Смерть Лейбница.

1739 г. Юм публикует свой «Трактат о человеческой природе», в котором продолжает развивать идеи эмпиризма.

1781 г. Кант, разбуженный Юмом от своего «догматического сна», выпускает «Критику чистого разума». Наступает великая эра немецкой метафизики.

1807 г. Выходит в свет «Феноменология духа» Гегеля, высшее проявление немецкой метафизики.

1818 г. Шопенгауэр публикует свой «Мир как воля и представление», в котором вводит в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. Ницше, объявив, что «Бог умер», умирает сам в Турине, сойдя с ума.

1921 г. Витгенштейн выпускает в свет свой «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» философских вопросов.

1920-е гг. Венский кружок создает логический позитивизм.

1927 г. Хайдеггер публикует «Бытие и время», где сообщает о расколе между аналитической и европейской философией.

1943 г. Выходит труд Сартра «Бытие и ничто», в котором развиваются идеи Хайдеггера и даются начальные положения экзистенциализма.

1953 г. Посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Пик лингвистической философии.

Хронология жизни Аквината

1225 — Фома Аквинский родился в Роккасекке, южная Италия.

1239 — Фома начинает учиться в университете Неаполя.

1244 — вступает в орден доминиканцев и начинает путешествие в Париж. Вскоре после этого пойман братьями и возвращен домой.

1244-1245 — заперт матерью в башне своего родового замка.

1245 — Аквинат совершает побег и идет в Париж пешком.

1248-1252 — Фома учится в Кельне у Альберта Великого.

1251 — получает ученую степень в Кельне.

ФОМА АКВИНСКИЙ ЗА 90 МИНУТ

1252 — 1259 — Фома преподает в Париже и пишет «Сумму против язычников».

1259 — Аквината назначают советником в курии папы Александра IV, он переезжает в Италию.

1266 — начинает писать «Сумму теологии»

1268 — Фому Аквинского переводят в Париж, чтобы разобраться в конфликте между университетом и доминиканцами, а также с радикализмом аверроистов.

1272 — Фома возвращается в Италию.

1273 — у него случается мистическое откровение, он прекращает писать.

1274 — Папа Григорий X назначает Фому Аквинского представителем на Втором соборе в Лионе. Во время путешествия на север он заболевает.

1323 — Фома Аквинский канонизирован папой Иоанном XXII.

1879 — Папа Лев XIII объявляет работы Фомы Аквинского единственно истинной философией.

Именной указатель

Августин Блаженный 6, 26, 31

Аверроэс 25, 51

Альберт Великий 18, 23—24, 27

Ансельм Кентерберийский 38

Аристотель: «Метафизика» 15—16, 18, 20, 21

Вийон, Франсуа 24

Витгенштейн, Людвиг 31, 37

Данте: «Божественная комедия» 9, 10, 69

Декарт, Рене: «Рассуждение о методе» 39, 64

Доминиканский орден 16—18, 29—30, 50—51, 55

Кант, Иммануил 39

Крестовый поход 5

ФОМА АКВИНСКИЙ ЗА 90 МИНУТ

Лейбниц, Готтфрид Вильгельм 39, 48
Луи IX 52-54

Манихейство 54—55
Мартин, мастер 14—15

Онтологическое доказательство 38,39,40,67
Перводвигатель 41—43, 65—67
Петр, мастер 15
Платон 21, 25, 31, 32-33

Работы: «Комментарии к трактату «О душе» Аристотеля» 69, «De Pestifera Doctrina Retrahentium Homines a Religionis Ingressa» 55—56, «Сумма против язычников» 30—32, 34, 36, 41, 46, 70, «Сумма теологии», 56,61,67

Силлогизм 15—16
Спиноза, Бенедикт 29, 39
Схоластика 11

Университет Неаполя 14—15, 61
Университет Парижа 23—24, 30, 50

Фейнман, Ричард, 45
Франциск Ассизский 17
Фридрих II 13—14

Об авторе

Пол Стретерн читал лекции по философии и математике, теперь живет и работает в Лондоне. Обладатель премии имени Сомерсета Моэма, автор книг по истории и географии, а также пяти романов. Его статьи публиковались в огромном количестве изданий, включая «Обзервер» (Лондон) и «Айриш Таймс». Степень по философии он получил в Тринити Колледж, в Дублине.

Научно-популярное издание

Философы за 90 минут

Пол Стретерн

ФОМА АКВИНСКИЙ ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *В.А. Дементьева*

Технический редактор *Э.С. Соболевская*

Корректор *И.Н. Мокина*

Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 93

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, За

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org